

«Когда б имел я сто очей, То все бы сто на вас глядели»

ВЕНЕЦИАНСКАЯ ПУШКИНИАНА

В Венеции на набережной Ле Дзаттере стоит внушительный дворец с колоннами и аркадами, хозяином которого до недавнего времени был престарелый князь Альфонс Клария-Альдринген. Несмотря на чисто иностранное звучание имени князя, в его жилах текла русская кровь. Альфонс Клария-Альдринген был потомком по прямой линии Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова. Прабабка князя, графиня Дарья Федоровна Фикельмон, урожденная Тизенгаузен, доводилась родной внучкой великому русскому полководцу.

Помимо знаменитого фельдмаршала, не чужды были исторической известности и другие предки по русской линии владельца венецианского палаццо: сама Дарья Федоровна Фикельмон, или попросту Долли (как она представлялась близким друзьям), супруга австрийского посланника в Петербурге Шар-

ля-Луи Фикельмона; ее сестра Екатерина Федоровна Тизенгаузен и мать Елизавета Михайловна Хитрово. Е. М. Хитрово и ее дочери были тесно связаны с самыми видными представителями русской культуры. Их друзьями были первые русские поэты, их портреты писали лучшие русские художники, среди которых блистает имя Карла Брюллова, своим человеком у них дома слыл Пушкин, оставивший десятки адресованных им писем и нарисовавший образ Долли в нескольких своих произведениях...

Недаром Д. Ф. Фикельмон, ее мать и сестра в течение последних десятилетий стали объектом самого пристального внимания отечественных и зарубежных исследователей-пушкинистов, посвятивших им серьезные монографические изыскания. Среди них такие видные ученые, как Д. Д. Благой, Н. В. Измайлов, М. А. и Т. Г. Цявловские и другие.

И. Эндер.
Портрет
Д. Ф. Фикельмон.
Рисунок,
подкрашенный
акварелью
1828—1829 гг.
(?).
Чехословакия.
Замок-музей
в Вельтрусах

Отметим здесь также советского исследователя Н. А. Раевского, открывшего неизвестное письмо Пушкина Д. Ф. Фикельмон, ее дневник и посвятившего ей почти целиком свою книгу «Портреты заговорили», выдержавшую несколько изданий, и итальянского литературоведа, грузинки по происхождению, Н. М. Каухчишвили, которая частично опубликовала этот дневник.

Что же мы знаем в результате новейших достижений пушкинистики об этом «любезном Трио», как называли дочь и внушек Кутузова их современники?

Любимая дочь победителя Наполеона Елизавета Михайловна Голенищева-Кутузова родилась в 1783 году. Девятнадцати лет она

Венеция.
Канал Джудекка

стала женой флигель-адъютанта Александра I графа Федора (Фердинанда) Ивановича Тизенгаузена, происходившего из старинного прибалтийского дворянского рода. Его отец граф Иван Андреевич Тизенгаузен (1745—1815) занимал высокие государственные посты в России, был обергофмейстером, действительным тайным советником. Свадьба состоялась в Павловской дворцовой церкви в присутствии вдовствующей императрицы Марии Федоровны, у которой в девичестве Елизавета Михайловна была фрейлиной. В 1803 году у молодых супругов родилась первая дочь Екатерина. Через год появился на свет второй ребенок, тоже дочь, которую нарекли Дарьей (Доротеей). А еще через год 23-летний зять Кутузова, которого старый полководец уважал и любил, как родного сына, пал смертью храбрых в сражении при Аустерлице. Подвиг Ф. И. Тизенгаузена, который со знаменем в руках повел русских солдат в контратаку, был тяжело ранен, взят в плен и скончался после трехдневной агонии, воссоздан Львом Толстым в романе «Война и мир» в сцене ранения Андрея Болконского во время Аустерлицкого сражения.

В 1811 году Елизавета Михайловна вышла замуж вторично за генерала Николая Федоровича Хитрово, назначенного в 1815 году временным поверенным в делах России во Флоренции. В 1819 году она вновь овдовела: Н. Ф. Хитрово, не отличавшийся крепким здоровьем, внезапно умер. С двумя юными дочерьми Елизавета Михайловна Хитрово осталась жить во Флоренции, где к тому вре-

мени располагала обширными связями.

Сохранилось свидетельство молодого графа М. Д. Бутурлина, родители которого тогда жили во Флоренции, о необыкновенной красоте дочерей Елизаветы Михайловны: «Молодые графини Екатерина и Дарья (Долли) Федоровны Тизенгаузен только что начинали выезжать в свет и были во всем блеске красоты; но особенно поражала даже меня, десятилетнего мальчугана, пятнадцатилетняя Дарья Федоровна».

Скоро во власти чар юной русской графини оказался австрийский посланник при тосканском дворе генерал Шарль-Луи Фикельмон (23.3.1777—6.8.1857), который не замедлил предложить ей свою руку и сердце. Долли в ту пору было всего 16 лет. Ее суженому — 43, на двадцать семь лет больше.

Меттерних, видевший «Трио» во время работы конгресса в Лайбахе, писал своей жене: «Мадам Хитрово находится здесь вместе с обеими своими очаровательными дочерьми. Мы все влюблены в этих молодых особ. Одна из них должна выйти замуж за молодого дипломата, богатого и из хорошей семьи, который работает в нашем посольстве в Риме; руку другой дочери жаждет получить наш чрезвычайный посланник во Флоренции, очень умный и достойный человек. Ему 42—43 года, тогда как юной девушке не исполнилось еще 16 лет. Если он в итоге будет счастлив, я буду очень рад, потому что я очень люблю этого человека, который, можно сказать, является моей правой рукой».

Фикельмон (его полное имя — Габриэль-Луи-Шарль Бонавантюр) был французом и происходил из очень старинного французского дворянского рода, который своими корнями уходит в XIII век. В 1792 году Шарль-Луи Фикельмон, так же, как и его отец и брат, эмигрирует из революционной Франции и переходит на австрийскую службу. В австрийской армии Фикельмон принимает участие в антинаполеоновских кампаниях, получает звание генерал-адъютанта. В 1815 году его назначают австрийским послом в Швеции, в 1820 году — в Тоскане, где он и познакомился с дочерью и внучками М. И. Кутузова. Во время конгресса в Лайбахе, где Священным союзом было принято решение о подавлении революции в Неаполитанском королевстве, Фикельмон назначается начальником штаба австрийского экспедиционного корпуса, двигавшегося на юг Италии. В марте 1821 года он становится послом в Неаполе.

Несмотря на огромную разницу в возрасте, предложение Фикельмона было принято, и в июне 1821 года Дарья Федоровна стала супругой австрийского посла в Неаполе.

Вместе с Долли переехали в столицу Неаполитанского королевства ее сестра и мать. Они оставались там до 1826 года, а потом переселились в Петербург. Но до этого в 1823 году «Трио» в полном составе совершило продолжительный вояж в Россию.

В 1829 году Фикельмон получает очень важное повышение — его назначают на пост австрийского посланника в Петербурге, на котором он будет оставаться целых одиннадцать лет. Долли после трехлетней разлуки вновь соединяется со своей матерью и сестрой. Начинается новый, самый важный период в жизни внучки М. И. Кутузова.

Австрийское посольство размещалось в ве-

ликотепном Салтыковском особняке (ныне — Дворцовая набережная, 4), построенном Джакомо Кваренги. Здесь на посольских раутах Дарья Федоровна встречается с виднейшими российскими сановниками, принимает в своем салоне сливки петербургского светского общества. В этом же доме, но в отдельной квартире обосновывается и Елизавета Михайловна, державшая свой салон. Оба салона в скором времени становятся своеобразными интеллектуальными центрами, которые объединяли лучших представителей русской культуры и облегчали им сношения с Западом вопреки прегаткам николаевской цензуры.

Друг Пушкина П. А. Вяземский, вспоминая о Е. М. Хитрово, так характеризовал неоценимую роль, которую играли в те времена в культурной жизни Петербурга салоны жены и тещи австрийского посланника: «В летописях Петербургского общежития имя ее осталось так же незаменимо, как было оно привлекательно в течение многих лет. Утра ее (впрочем, продолжавшиеся от часа до четырех пополудни) и вечера дочери ее, графини Фикельмонт, неизгладимо врезаны в памяти тех, которые имели счастье в них участвовать. Вся животрепещущая жизнь, европейская и русская, политическая, литературная и общественная, имела верные отголоски в этих двух родственных салонах. Не нужно было читать газеты, как у афинян, которые также не нуждались в газетах, а жили, учились, мудрствовали и умственно наслаждались в портиках и на площади. Так и в этих двух салонах можно было запастись сведениями о всех вопросах дня, начиная от политической брошюры и парламентской речи французского или английского оратора и кончая романом или драматическим творением одного из любимцев той литературной эпохи. Было тут обозрение и текущих событий; был и *premier Pétierbourg* (передовая статья) с суждениями своими, а иногда и осуждениями, был и легкий фельетон, правоописательный и живописный. А что всего лучше, эта всемирная, изустная, разговорная газета издавалась по направлению и под редакцией двух любезных и милых женщин. Подобных издателей не скоро найдешь. А какая была непринужденность, терпимость, вежливая, и себя и других уважающая свобода в этих разнообразных и разнообразных разговорах! Даже при выражении спорных мнений не было и слишком кипучих прений: это был мирный обмен мыслей, воззрений, оценок...»

Посланник, как говорят свидетельства современников, не только не препятствовал деятельности своей жены и тещи, использовавших дипломатические привилегии посольской резиденции для превращения ее в своего рода «открытое окно в Европу», но и в определенной мере способствовал этому. В библиотеке Пушкина сохранились два томика стихов Гейне, подаренных ему Фикельмоном, — этой контрабанды, как говорил сам посланник о запрещенных в России стихах немецкого поэта.

Фикельмон вообще был очень незаурядной личностью. Свободный от косности венского двора, весьма образованный и начитанный человек, он отличался необычной для его среды широтой взглядов на современную политическую жизнь и на историю. Фикельмон с большой симпатией относился к России, знал и любил ее культуру, высоко чтил гений Пуш-

кина. Причиной опалы, которой был подвергнут старый дипломат в Вене после возвращения из Петербурга, без всякого сомнения, было его неискоренимое русофильство.

Взгляды Фикельмона, естественно, были выработаны им самим в результате упорной работы ума, долгого жизненного опыта и большой культуры. Но при этом никак нельзя преуменьшать влияния его русской жены и тещи, с которыми у австрийского дипломата на протяжении всех лет совместной жизни была большая духовная близость. Фикельмон прекрасно понимал, насколько он был обязан благорасположением русского двора, значи-

тельно облегчавшим ему исполнение посольских обязанностей, родству с дочерью и внучками М. И. Кутузова, которые пользовались в Петербурге всеобщим уважением и любовью.

Фикельмон оставался в России до лета 1840 года. Долги вместе с тринадцатилетней дочерью Елизаветой-Александрой, по-домашнему — Элизалекс, покинула Петербург весной 1838 года, отправившись на лечение в Италию, и больше на родину не возвращалась. В ее отсутствие весной 1839 года скончалась Елизавета Михайловна. Екатерина осталась в Петербурге единственной представительницей прежде такого дружного и слаженного семейного союза. Фрейлина, а затем камер-фрейлина императрицы, Екатерина Федоровна с 1833 года до самой своей смерти в 1888 году жила в Зимнем дворце. Замуж она так и не вышла, несмотря на блестящие партии, которые ей представлялись.

Знакомство Фикельмонов с Пушкиным продолжалось с ноября — декабря 1829 года, когда, по-видимому, состоялась первая встреча, по день смерти поэта. Мать и сестра Долли знали Пушкина несколько дольше, с лета 1827 года, то есть почти десять лет.

Знакомство с поэтом всех членов «Трио» очень быстро переросло в глубокую дружбу. Как свидетельствует сын П. А. Вяземского Павел, его отец и Пушкин питали самые дружеские чувства к внукам Кутузова и к Е. М. Хитрово, которая, в свою очередь, писал сам П. А. Вяземский, после смерти Пушкина «глубоко оплакивала... друга и славу России».

На основании дневника поэта, его писем, свидетельств современников давно было известно о безграничном преклонении Е. М. Хитрово перед гением Пушкина, о его частом

Неизвестный художник. Гостиная Д. Ф. Фикельмон в палатке Кларии в Венеции. Аquarelle. Италия. Частное собрание

общении и с Елизаветой Михайловной и с ее дочерьми. Известно было и о чувствах, далеко переросших рамки дружеских, которыми одно время воспылала к поэту восторженная поклонница его таланта, бывшая на шестнадцать лет старше его. Пушкину немало докучали эти проявления влюбленности вместе с материнской заботой о нем увядающей, экзальтированной женщины, которая, видимо, совершенно не в состоянии была понять неуместность своих запоздалых страстей, и он защищался от них, как мог. «Избавь меня от Пентефрейхи», — умолял он П. А. Вяземского в марте 1830 года, в преддверии своей

Но друзья Е. М. Хитрово, подтрунивая за глаза над ее странностями, никогда не переставали относиться к ней с глубокой симпатией за доброту, искренность, широту интересов и образованность.

Иронические шпильки, порою даже раздражительность и резкость Пушкина в отношении Е. М. Хитрово имели преходящий характер. «Он никогда, — писал муж приятельницы Пушкина Александры Россет Н. М. Смирнов, дипломат, впоследствии петербургский губернатор, близко знавший поэта и считавший его «человеком наиболее замечательным в России», — не мог решиться

Неизвестный художник.
Гостиняя
Д. Ф. Фикельмон
в Петербурге.
Акварель.
Чехословакия.
Замок-музей
в Вельтрусах

женитьбы, уподобляя Елизавету Михайловну престарелой жене библейского Пентефрейхи, претендовавшей на любовь молодого Иосифа.

Предметом бесконечных шуток было и увлечение Елизаветы Михайловны не по возрасту слишком открытыми туалетами. Широкое хождение в Петербурге имели стихи неизвестного автора, высмеивавшие страсть Хитрово к декольте, за что ее именовали «Лизой голенькой»:

*Лиза в городе жила
С дочкой Долинькой.
Лиза в городе слыла
Лизой голенькой.
Нынче Лиза en gala
У австрийского посла,
Не по-прежнему мила,
Но по-прежнему гола.*

огорчить ее, оттолкнув от себя, хотя, смеясь, бросал в огонь, не читая, ее ежедневные записки».

Обнаруженные в 1925 году в бывшем юсуповском особняке на набережной Мойки в Ленинграде 26 писем Пушкина к Е. М. Хитрово, относящиеся к 1827—1832 годам, свидетельствуют о богатстве и содержательности их духовного общения. В письмах обсуждаются злободневные политические события, высказываются суждения о литературных новинках Запада, которыми исправно снабжала поэта Елизавета Михайловна, о культурной жизни России и Европы. В них поэт поверяет своему адресату сокровенные мысли по самому широкому кругу проблем современной жизни, истории, посвящает в свои творческие замыслы. «Возвратившись в Москву, судары-

А. Брюллов.
Портрет
Д. Ф. Фикельмон
и Е. Ф. Тизен-
гаузен.
Акварель.
1825 год.
Италия.
Частное
собрание.

А. Брюллов.
Портрет
А. П. Штакель-
берг. Акварель.
1829—1833 гг.
Чехословакия.
Замок-музей
в Вельтрусах

ня, я нашел у кн. Долгорукой пакет от Вас, — французские газеты и трагедию Дюма, — все это было новостью для меня, несчастного зачумленного нижегородца. Какой год! Какие события!» — пишет он 9 декабря 1830 года. «Ваши письма — единственный луч, проникающий ко мне из Европы», — с благодарностью сообщает поэт 21 января 1831 года. И продолжает несколько позднее в другом письме: «...я предпринял исследование французской революции; покорнейше прошу Вас, если возможно, прислать мне Тьера и Минье. Оба эти сочинителя запрещены».

В пачке писем к Е. М. Хитрово было найдено одно письмо поэта к ее дочери Екатерине от 1 января 1830 года, с которым он пересылал написанное по ее просьбе стихотворение «Циклоп»:

*Язык и ум теряя разом,
Гляжу на вас единым глазом:
Единый глаз в главе моей.
Когда б судьбы того хотели,
Когда б имел я сто очей,
То все бы сто на вас глядели.*

Стихотворение предназначалось для исполнения на костюмированном балу в Аничковом дворце, где Катрин досталась маска циклопа. Пушкин писал в шуливо-дружеском манере: «Само собой разумеется, графиня, что Вы будете настоящим циклопом. Примите этот плоский комплимент как доказательство моей полной покорности Вашим приказаниям. Будь у меня сто голов и сто сердец, они все были бы к Вашим услугам».

Н. А. Раевский нашел и одно письмо Пушкина к Д. Ф. Фикельмон. Направлено оно из Москвы 25 апреля 1830 года, то есть после того, как в жизни поэта случилось большое событие, которое было на устах у всех его друзей и знакомых: он сделал повторное предложение московской красавице Наталье Гончаровой, и оно было принято. Письмо Пушкина, видимо, является ответом на выраженные в не дошедшем до нас письме графини полусерьезные опасения, что после свадьбы он забудет своих старых друзей. «Поверьте, — писал поэт, — что я останусь всегда самым искренним поклонником Вашего очарования, столь простого, Вашего разговора, столь приветливого и столь увлекательного, хотя Вы имеете несчастье быть самой блестящей из наших светских дам».

За внешне светской формой поэт в немногих словах раскрыл секрет необыкновенного обаяния этой женщины, заключавшегося в естественности и безыскусственности манер, уме, образованности и глубокой душевности.

В дневнике Д. Ф. Фикельмон содержится немало упоминаний о встречах с поэтом, дается тонкая психологическая характеристика Пушкина и его жены. После знакомства с поэтом Долли записала: «Пушкин, писатель, ведет беседу очаровательным образом — без претензий, с увлечением и огнем». Примечательно, что Дарья Федоровна отметила в поэте те же самые черты, которые, как мы знаем из вышеприведенного письма Пушкина, больше всего импонировали ему и во внучке Кутузова.

Но в целом дневник Д. Ф. Фикельмон несколько разочаровывает: в нем говорится намного меньше о поэте, чем можно было ожидать. Более того, начиная с 1832 года

Н. Скьявони.
Портрет
Д. Ф. Фикельмон.
Масло. 1847 год.
Италия.
Частное
собрание

Пушкин как будто совсем исчезает из поля зрения Д. Ф. Фикельмон, хотя они по-прежнему очень часто встречались. Имя поэта возвращается на страницы дневника только в связи с его дуэлью и смертью, глубоко потрясших Дарью Федоровну.

С Дарьей Федоровной связана не одна страница в творчестве поэта. Ее образ, как считают многие исследователи, он вывел и в незаконченной повести «Египетские ночи», и в наброске «Мы проводили вечер на даче...», и в «Евгении Онегине», во многом взяв черты великосветской Татьяны у блестящей австрийской посланницы.

Но еще публикаторы писем Пушкина к

Ф. Агрикола.
Портрет
Елизаветы-
Александры
Фикельмон.
Рисунок,
подкрашенный
акварелью.
1838 год.
Италия.
Частное
собрание

Е. М. Хитрово столкнулись с большими трудностями при поисках портретов дочери и внука Кутузова. Портреты Е. М. Хитрово были найдены: литография с утраченного акварельного изображения кисти русского художника В. И. Гау, не отличающегося большими художественными достоинствами, и фотография с ее бюста работы неизвестного скульптора, экспонировавшегося на Пушкинской выставке 1899 года и тоже со временем утраченного. Портретов ее дочерей разыскать тогда не удалось вообще. В последующем один из великодушных портретных рисунков О. Кипренского, находящийся ныне в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве, был определен как изображение Е. М. Хитрово. Что же касается дочерей Елизаветы Михайловны, то до самого недавнего времени не было известно ни одного их изображения, которое бы соответствовало описанию внешности сестер современниками, восхищавшимися их необыкновенной красотой. Так, найденные в последние десятилетия два портрета Д. Ф. Фикельмон ни в коей мере не могли служить иллюстрацией к восторженным отзывам о блистательной наружности «австрийской посольши». На акварели английского художника Т. Уинса, находящейся сейчас во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Ленинграде, графиня совершенно лишена душевной привлекательности, которую отмечают в ней все мемуаристы. Другой портрет — старый дагеротип, сделанный, когда Д. Ф. Фикельмон было за пятьдесят, убедительно говорит о былой красоте этой женщины, но это, увы, далеко не пушкинский период. Н. А. Раевский, безусловно, был прав, утверждая в своей книге, что «иконография Д. Ф. Фикельмон... бедна — мы не знаем пока ни одного ее портрета работы первоклассного художника».

Достоверных же изображений Екатерины Федоровны вообще обнаружено не было.

Предпринимая визит в палаццо Клари на венецианской набережной Ле Дзаттере, мы, таким образом, прежде всего мечтали обогатить иконографию наших героинь: не может быть, чтобы в доме не сохранилось ни одного их портрета!..

Главное, что нас интересовало, — изображения членов этой семьи, выполненные русскими художниками. Мы знали, что Елизавета Михайловна и ее муж Н. Ф. Хитрово во Флоренции покровительствовали Оресту Кипренскому и что в Неаполе мать Долли заботилась о заказах для Александра Брюллова, писавшего там благодаря ее посредничеству акварельные портреты с членов местной королевской семьи. Одновременно, как надо полагать, эти мастера увековечили черты и симпатичного «Трио», хотя об этом не сохранилось никаких документов и свидетельств современников. Но зато достоверно известно, что в конце 30-х годов прошлого века Карл Брюллов написал маслом портреты Ш.-Л. Фикельмона и его дочери, которые современники относили к числу самых блестящих удач художника и которые с тех пор бесследно исчезли. Естественно было предположить, что создатель «Последнего дня Помпеи» работал и над портретом третьего члена семьи — Долли... В назначенное время мы подошли к двери палаццо Клари, на котором висела табличка с надписью «Французское консульство». Княгиня Клари, впрочем, предупредила

нас по телефону, что первые три этажа своего дома они сдают, а сами живут на последнем, четвертом этаже.

Дверь отворила пожилая женщина, подметавшая внутренний двор. Узнав, что мы к Клари, она проводила нас к лифту. В прихожей на четвертом этаже нас встретил опирающийся на палку очень высокий, очень худой и очень прямо державшийся мужчина, которому мы дали бы семьдесят с небольшим.

— Клари, — представился он, подавая руку. — Так это о вас вчера звонили от мэра? Проходите. Жена приготовила нам чай.

По слабо освещенному широкому коридору, стены которого были увешаны картинами и портретами, Клари, передвигавшийся широкими, размашистыми шагами, соответствовавшими его росту, провел нас в гостиную, где представил своей жене, тоже очень высокой, худощавой женщине с перманентом в стиле тридцатых годов. Княгиня выглядела много моложе своего мужа, но и она передвигалась, опираясь на палку.

Уселись в креслах вокруг низенького столика. Пока хозяйка расставляла чашки, мы стали рассматривать пачку фотографий из семейного альбома, предложенных нам князем Клари. Сразу обратили внимание на цветную фотографию с живописного портрета офицера в русской военной форме. Белокурые волосы. Тонкие, правильные черты лица очень молодого человека, почти юноши. Что-то чудилось знакомое в этом благородном профиле, в волевом лице с крупным прямым носом и чуть выдающимся, волевым подбородком.

— Тизенгаузен, — объяснил нам Клари. — У нас не было ни одного изображения

отца Долли. Эту фотографию с портрета неизвестного художника, находящегося в частном собрании в Брюсселе, прислал один мой знакомый. Красивый был молодой человек...

Изображение Ф. И. Тизенгаузена на его надгробной стеле в Таллинском кафедральном соборе, известное нам по воспроизведению

А. Айноле.
Портрет
Ш.-Л. Фикельмона. Масло.
1845 год.
Чехословакия.
Замок-музей
в Вельтрусах

Неизвестный
художник.
Гостиная
Д. Ф. Фикельмон
в Неаполе.
Акварель.
Замок-музей
в Вельтрусах

Неизвестный художник.
Портрет
Е. М. Хитрово.
1800-е годы.
Масло.
Замок-музей
в Вельтрусах

Ф. Агрикола.
Портрет
Д. Ф. Фикельмон.
1838 год.
Масло.
Чехословакия.
Замок-музей
в Вельтрусах

в книге Н. А. Раевского, совпадало с его портретом кисти неизвестного художника. Тот же высокий воротник мундира, та же линия носа и подбородка. Только прическа на надгробном изображении, очень стилизованном, немного изменена, да и само лицо получило несколько иное, идеализированное выражение...

Позднее, листая в Москве двухтомник «Портретная миниатюра. Из собрания Государственного Русского музея» (Л., 1974), мы обнаружили, что есть еще одно изображение зятя Кутузова — миниатюра Ф. И. Тизенгаузена, выполненная прекрасным отечественным художником и эмальером П. Э. Рокштулем, тоже родом из Курляндии. Публикаторы обнародовали ее как портрет некоего А. Тизенгаузена, но инициал «А» — ошибка, ибо брюссельский портрет зятя Кутузова в точности совпадает именно с этой работой П. Э. Рокштуля — видимо, единственного прижизненного изображения героя Аустерлица.

Миниатюра Рокштуля, повторенная в увеличенном виде на брюссельском портрете, вполне могла бы иллюстрировать «Войну и мир», настолько реальные черты Ф. И. Тизенгаузена, увековеченные художником, совпадают со сложившимся у нас литературным образом князя Андрея Болконского, который у Толстого «был небольшого роста, весьма красивый молодой человек с определенными и сухими чертами».

Не был ли писатель знаком и с миниатюрой П. Э. Рокштуля, и не она ли стояла в его глазах, когда он создавал образ своего героя? Вместе с подвигом при Аустерлице в романе могли отразиться и другие факты и черты реальной жизни и реального облика Ф. И. Тизенгаузена и его семьи. Маленькую княгиню, жену Андрея Болконского, кстати, тоже звали Лизой, как и дочь Кутузова, хотя по своему характеру та Елизавета Михайловна, которую мы лучше всего знаем по отзывам современников, больше походит на Анну Павловну Шерер, хозяйку петербургского великосветского салона, в котором и публика и политические разговоры невольно вызывают в памяти «утра и вечера» дочери и внучки Кутузова, где — напомним слова Вяземского — «вся животрепещущая жизнь, европейская и русская, политическая, литературная и общественная, имела верные отголоски». Что же касается самой хозяйки салона, то, по Толстому, «быть энтузиасткой сделалось ее общественным положением», и иногда, «когда ей даже того не хотелось, она, чтобы не обмануть ожиданий людей, знавших ее, делалась энтузиасткой». «Сдержанная улыбка, — продолжает Толстой, рисуя портрет Шерер, — играющая постоянно на лице Анны Павловны, хотя и не шла к ее отжившим чертам, выражала, как у избалованных детей, постоянное сознание своего милого недостатка, от которого она не хочет, не может и не находит нужным исправляться».

Как это похоже на Елизавету Михайловну с ее милыми недостатками и энтузиазмом, иногда весьма утомительным для друзей, хотя ее восторженность была искренней, а готовность прийти на помощь ближнему всегда подтверждалась делом! Вспомним слова Е. М. Хитрово, обращенные к Пушкину: «Обладая характером, готовым для других пойти на все, я драгоценный человек для своих друзей: я ни с чем не считаю, езжу разговаривать с вы-

сокопоставленными лицами, не падаю духом, еду опять, время, обстоятельства — ничто меня не пугает. Усталость сердца не отражается на моем теле — я ничего не боюсь, я многое понимаю, и моя готовность услужить другим является в такой же мере даром небес, как и следствием положения в свете моего отца и чувствительного воспитания, в котором все было основано на необходимости быть полезной другим!»

О том, что искренность и доброта сердца Елизаветы Михайловны были подлинными, а не мнимыми и показными, мы знаем теперь, а суждения современников о ней были весьма противоречивыми. Настоящую цену ее стремлению «быть полезной другим», доходившему до самоотречения, знали лишь самые близкие ее друзья, вроде Пушкина и Вяземского, что не мешало даже им довольно зло подшучивать над ее слабостями. В рассказах современников, относившихся к Елизавете Михайловне с иронией, Толстой, во всяком случае, мог найти достаточно материала, чтобы вылить с нее образ экзальтированной Шерер, которая вполне серьезно после выражения своего негодования по поводу действий Наполеона в Италии в стиле Элизы Хитрово отвечает на вопрос князя Василия о состоянии ее здоровья:

«Как можно быть здоровой... когда нравственно страдаешь? Разве можно, имея чувство, оставаться спокойною в наше время?»

Как бы там ни было, в Петербурге в первой половине XIX века не известен другой салон, хозяйка которого так бы любила и так бы умела со знанием дела поговорить о европейской политической жизни, как Елизавета Михайловна Хитрово. Насколько была «политизирована» дочь старого русского полковника, жена бывшего русского посланника во Флоренции и теща австрийского посла в Петербурге, можно судить по ее переписке с Пушкиным. «Это письмо будет отправлено, только когда придет пароход, — пишет она 14 августа 1830 года в Москву уехавшему туда поэту: — ...За это время прибыли газеты от 9-го. Казимир Перье — председатель палаты. «Тан» («Время») переходит в оппозицию. Молодые люди Политехнической школы отказались и от ордена Почетного легиона и от повышения в чине. Речь Шатобриана в защиту герцога Бордоского — истинный образец красноречия!.. В Париже играли «Тартюфа», причем на всех актерах были трехцветные кокарды: на одном лишь Тартюфе кокарда была белая. Кажется, некое правительство признало уже короля Франции на деле, хотя еще и не юридически. Здесь есть несколько брошюр о всех этих событиях — мадам де Жанлис превозносит до небес за то, что она воспитала короля-гражданина. Кто-то сказал вчера в шутку, что надо было бы ее выдать замуж за *Лафайета*!..»

Пушкин был очень тронут этим исчерпывающим политическим отчетом своей корреспондентки. «Как я должен благодарить Вас, сударыня, — писал он Е. М. Хитрово в ответном письме, — за любезность, с которой Вы уведомляете меня хоть немного о том, что происходит в Европе! Здесь никто не получает французских газет, а что касается политических суждений обо всем происшедшем, то Английский клуб решил, что князь Дмитрий Голицын был неправ, издав ордо-

нанс о запрещении игры в экарте. И среди этих-то орангутангов я осужден жить в самое интересное время нашего века! В довершение всех бед и неприятностей только что скончался мой бедный дядюшка Василий Львович. Надо признаться, никогда еще ни один дядя не умирал так некстати. Итак, женьтиба моя откладывается еще на полтора месяца, и бог знает, когда я смогу вернуться в Петербург.

«Парижанка» не стоит «Марсельезы». Это вдовильные куплеты. Мне до смерти хочется прочесть речь Шатобриана в защиту прав

И. Крихубер.
Портрет
Д. Ф. Фикельмон.
1849 год. Масло.
Чехословакия.
Замок-музей
в Вельтрусах

Е. Ф. Тизенгаузен в старости.
Лагеротин.
Москва. ГЛМ

герцога Бордосского. Он еще раз блеснул. Во всяком случае теперь он снова попал в оппозицию. В чем сущность оппозиции газеты «Время»? Стремится ли она к республике? Те, кто еще недавно хотели ее, ускорили коронацию Луи-Филиппа; он обязан пожаловать их камергерами и назначить им пенсии. Брак г-жи де Жанлис с Лафайетом был бы вполне уместен, а венчать их должен был бы епископ Талейран. Так была бы завершена революция».

Рассуждая о политической жизни Европы, Пушкин и Е. М. Хитрово понимали друг друга с полуслова...

Но возвратимся к портрету Ф. И. Тизенгаузена. Облик мужественного и чистого юноши-воина раскрывал секрет необыкновенной привязанности к нему старого фельдмаршала, который говорил своей дочери: «Ежели бы быть у меня сыну, то не хотел бы иметь другого, как Фердинанда».

Во время Аустерлицкого сражения граф Ф. И. Тизенгаузен был при своем тесте на Прагских высотах, где решалась судьба битвы. Как свидетельствует военный летописец, в один из самых напряженных моментов битвы, когда русские войска начали отступать и был ранен Кутузов, его «любимый зять... флигель-адъютант граф Тизенгаузен со знаменем в руках повел вперед один расстроенный батальон — и пал, пронзенный насквозь пулей». Другой очевидец, будущий декабрист и автор знаменитых «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинка, об этом же событии рассказывает: «В сражении под Аустерлицем был смертельно ранен зять Кутузова Тизенгаузен, прекрасный молодой человек. Движимый духом мужества, он стремился в самые опасные места; пуля пробилла ему грудь — он упал с лошади...»

Смертельно раненный, Ф. И. Тизенгаузен был подобран чешским крестьянином Антоном Хмелей, в доме которого он и скончался. Позднее прах отважного офицера был перезахоронен в Ревельском (ныне Таллинском) кафедральном соборе, где, как уже говорилось, сохранилось его надгробие с барельефным портретом.

Гибель Ф. И. Тизенгаузена была тяжелой утратой не только для его молодой жены, но и для Михаила Илларионовича. Очевидцы рассказывали, что во время Аустерлицкой битвы Кутузов, узнав о смерти любимого зятя, не дал воли своим чувствам. Но «назавтра приближенные застали (его) в безмерной скорби; слезы текли ручьями; он рыдал неутешно». Тем, кто не мог понять такого превращения, старый фельдмаршал объяснял: «Вчера я был начальник, сегодня — отец».

Выпив свою чашку, Клари, все так же опираясь на палку, но бодрыми шагами направился в соседнюю комнату, откуда через минуту появился с небольшим портретом в руках.

— Узнаете? Мать Долли и моя прапрабабка Элиза. Но неужели это еще кого-нибудь интересует?

Мы объяснили, что в нашей стране все, что касается жизни Пушкина, его окружения, его друзей, по-прежнему вызывает интерес миллионов людей. Об этом можно судить хотя бы по тому, что исследования о поэте, предназначенные как будто только для специалистов-

литературоведов, издаются тиражами в сотни тысяч экземпляров и расходятся мгновенно, становясь бестселлерами. А Елизавета Михайловна Хитрово, ее дочери, генерал Фикельмон входили в число самых близких и верных друзей поэта...

Перед нами был неизвестный, никогда не публиковавшийся акварельный портрет Елизаветы Михайловны, который, несомненно, менял утвердившееся представление о ее наружности.

Мы видим на этой акварели если не красавицу, то очень привлекательную женщину, в которую Н. Ф. Хитрово влюбился, когда ей было уже 28 лет. Ее пышные красивые волосы уложены в прическу с пробором посередине и локонами у щек. Несколько неправильное лицо украшают большие выразительные синие глаза.

Одета мать Долли в просторное светлое домашнее платье с кружевным воротником, подвязанным большим голубым бантом, края которого спускаются до колен. Она сидит в кресле, подпирая лицо рукой. В другой, покоящейся на коленях, Елизавета Михайловна держит георгиевскую ленту и часы.

Георгиевская лента — это память о незабвенном отце и друге, который всю жизнь окружал любимую дочь трогательным вниманием.

Венецианский портрет дочери Кутузова сделан на очень высоком профессиональном уровне художником, обладавшим весьма незаурядным дарованием. Он, видимо, очень хорошо передавал сходство, но, главное, в нем великолепно выписан характер этой женщины — порывистой, доброжелательной, жизненной, наделенной большим запасом душевного здоровья.

Кто автор этого замечательного портрета, любопытного, между прочим, и тем, что перед нами, кажется, единственное изображение, где Елизавета Михайловна предстает без знаменитого декольте, Клари не знали. На акварели просматривались следы подписи художника, но у нас под рукой не было лупы, чтобы как следует разглядеть ее. Открытым оставался и вопрос о времени выполнения акварели. Князь Альфонс считал, что Елизавета Михайловна написана грустной, с заплаканными глазами потому, что портрет был сделан вскоре после смерти ее отца, то есть в 1813—1814 годах.

Так мы, следуя семейной традиции, и датировали его, публикуя в 7-м номере «Огонька» за 1978 год. Манера исполнения очень напоминала Петра Федоровича Соколова, особенно такие совпадающие по цветовому решению его вещи, как изображения Е. П. Бакуниной и «Неизвестной» из Государственного музея А. С. Пушкина и портрет графини Е. А. Остерман-Толстой из музея В. А. Тропинина. Однако, публикуя акварель, авторство П. Ф. Соколова мы указали с вопросом — до более тщательного изучения подписи. Сделать это в доме Клари так и не удалось. Визиты к ним из-за плохого состояния здоровья князя были кратковременными. Мы торопились при этом не упустить ни слова из рассказов хозяев, сделать съемку картин...

И. Н. Бочаров, Ю. П. Глушакова
ВЕНЕЦИЯ — ПРАГА — МОСКВА. 1977—1986.
(Окончание следует)